

9. Перлов, Б.И. Шумеро-Вавилонская школа и письменная традиция в Месопотамии III – II тысячелетия до Р.Х. / Б.И. Перлов // Введение в храм. Сборник статей / Под ред. Л.И. Акимовой. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 50–57.

10. Плотников, И.В. Концепты «память» и «язык» в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи» / И.В. Плотников // Филологический класс. 2018. № 1(51). С. 43–47.

11. Полонский, В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века / В.В. Полонский. М.: Наука, 2008. 285 с.

12. Поэзия и проза Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 1. / Под. ред. И. Брагинского. М.: Худож. лит., 1973. 736 с.

13. Рождественский Р. Стихи [Электронный ресурс]. – Режим ввода: <https://sites.google.com/site/robertrozdestvenskij/tvorcestvo/stihi> – Дата доступа: 10.02.2022.

14. Симоненко, М.А. Архитектурная метафора в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Симоненко. Курск, 2009. 23 с.

15. Чугунова-Полсон, Е.Е. Концепты Моря и Океана как ключевые символы в творчестве Александра Александровича Блока и Алджернона Чарльза Суинберна / Е.Е. Чугунова-Полсон // Новый филологический вестник. 2018. № 4(47). С. 228–238.

16. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. М.: Издательство МГУ, 1994. 144 с.

17. Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

УДК 811.161.1

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕТРА I

И.А. Измestьева

г. Тольятти, Российская Федерация

В статье анализируется орфоэпическое своеобразие царя Петра I на материале «Писем и бумаг Петра Великого». С опорой на фонетическое письмо Петра I определяются в произношении царя черты московского говора и элементы церковнославянского произношения. Произносительные особенности московского говора характеризуются аканьем, еканьем, [ʁ] фрикативным, неустоявшимся качеством долгих шипящих и др. В речи Петра I взаимодействуют южные и северные диалектные черты. В частности, нормативное употребление *ѣ* и *е*, противопоставленность согласных по напряженности-ненапряженности. В статье дается ответ на ряд вопросов, поставленных историками русского языка.

Ключевые слова: орфоэпические особенности; переписка Петра I; функционирование *ѣ*; согласные неполного смягчения; диалектные черты; церковнославянское произношение.

I.A. Izmestyeva

Togliatti, Russian Federation

The orthoepic originality of Tsar Peter I on the material "Letters and Papers of Peter the Great" is being analyzed in this article. Based on Peter's I phonetic letter, the peculiarities of the Moscow dialect and elements of Church Slavonic pronunciation are determined in the tsar's pronunciation. The pronunciation features of the Moscow dialect are characterized by akanya, ekanya, [ɣ] fricative, unsettled quality of long hissing, etc. In Peter's I speech, southern and northern dialect features interact. Specifically, the normative use of ъ and е, the opposition of consonants in tension-non-tension. This article gives answers on numerous questions posed by historians of the Russian language.

Key words: orthoepic features; Peter's I correspondence; functioning of ъ; consonants of incomplete softening; dialect features; Church Slavonic pronunciation.

Введение. Современный интерес историков русского языка к периоду языкового развития начала XVIII в. определен описанием особенностей книжной, деловой и народно-разговорной речи в аспекте фонетического, лексико-грамматического и стилистического функционирования, становлением русского национального языка, а также исследованием речевой деятельности определенного носителя русского языка. В связи с 350-летием со дня рождения Петра I язык Петровской эпохи и языковая личность царя вновь становятся объектом пристального внимания лингвистов.

Эпистолярное наследие Петра I многосторонне изучено в историко-лингвистическом, типологическом, орфографическом и др. аспектах Н. И. Гайнуллиной, Г. И. Герасимовым, К. В. Горшковой, О. И. Ивановой (Александровой), В. П. Левиным, О. И. Огиенко, И. Е. Семиным и др. Переписка Петра I дает представление о том лингвистическом основании, на котором сложился русский национальный язык и впоследствии развивалась русская орфоэпическая норма XIX века.

С одной стороны, фонетическая сторона московского говора на рубеже XVII-XVIII вв. (носителем которого был Петр I) основательно описана в трудах К. В. Горшковой, П. Я. Черных, А. И. Соболевского, С. Д. Никифорова, А. А. Шахматова, Р. И. Кошутича, С. П. Обнорского и др. С другой стороны, наблюдения над звуковой системой русского языка в разные исторические периоды, отраженные в трудах Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, В. В. Виноградова, Р. И. Аванесова, С. И. Коткова, Г. А. Хабургаева, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова, Л. Л. Васильева, Б. А. Успенского, Е. С. Скобликовой и др., показали наличие ряда вопросов, которые требуют дальнейшего осмысления. В частности, было обращено внимание на непоследовательное развитие фонем ъ и е в русском национальном языке.

Цель настоящего исследования состоит в описании частного фрагмента произносительной практики Петра I в связи с функционированием фонем *ѣ* и *е* в живой разговорной речи. Соглашаясь с замечанием С. И. Коткова о том, что базой «фонетических и иных наблюдений должны быть и правильные написания» [11, с. 141], примем во внимание тот факт, что переписка Петра I представляет «фотографическую копию» (П. Житецкий) московского говора, «Живой язык, отразившийся в «Письмах и бумагах Петра Великого», является проявлением разговорной речи, характерной для коренного населения города Москвы второй половины XVII в.» [8, с. 83]. В текстах представлены важные элементы живого русского произношения, что позволяет определить оформление стилистической вариативности в области орфоэпии XVIII в. Хотя некоторые ученые отмечают при реформе церковнославянской графики наличие якобы «фонологических ошибок, прямо повлиявших на судьбы орфоэпии» (допущенных Петром I), среди которых сохранение *ѣ* [6, с. 11-12].

Учет практически безошибочного использования букв *ѣ* и *е* в письмах Петра I при фонетическом подходе царя к орфографической практике, позволит охарактеризовать особенности языковой личности и произносительной культуры в России на рубеже XVII-XVIII вв., дать объективную характеристику орфоэпической норме в диахроническом аспекте.

Методы и материал исследования. Н. И. Гайнуллина рассуждает о многогранной языковой личности Петра I в историко-лингвистическом, типологическом, функциональном и индивидуально-стилистическом аспектах на материале «Писем и бумаг императора Петра Великого» в 12-ти томах [5], но к системному орфоэпическому описанию не прибегает. В. Богородицкий [1], К. В. Горшкова [7], М. В. Панов создают фонетический портрет Петра I на основе подвижных элементов фонетической системы русского языка, также анализируя «Письма и бумаги Петра Великого» [14, с. 418-422]. В целом усилиями ученых составлен социолингвистический портрет языковой личности Петра I, хотя остались некоторые нерешенные вопросы на фонетическом уровне, трудно описываемыми в условиях зарождения русского литературного языка национального периода.

Сделаем ряд обобщений и попытаемся ответить на вопросы, поставленные историками языка. Доказано, что в речи Петра I яркой орфоэпической чертой в области согласных выступает фрикативный характер звонкого заднеязычного согласного [ɣ], который позиционно чередуется с [x] *книхъ* – «*Всѣхъ ауторовъ ѿртоѡвикаци книхъ, каждого по одной. Такожъ ариетурскихъ книхъ і началамъ ихъ учения. Также лерскихъ книхъ*» [14, с. 419]. Эту типичную черту московской речи [ɣ] определили В. Богородицкий [1, с. 5], К. В. Горшкова [7, с. 114], также Л. П. Ботырева заметила на материале «Вестей-курантов» написание *х* на месте *ɣ*[ɣ] и *ɣ*[ɣ] на месте *х* в позиции перед гласным и сонорным *хлуха – глуха, не хотово – не готово, дуговного* [2, с. 6]. В речи Петра I встречается мена звуков [ɣ] и мягкого среднеязычного

[ʎ]: *числахъ генваря мѣсяца* [IV, 1036], *кнеиня* [1, с. 8], «это свидетельствует о неразличении, нейтрализации <ʎ> и <ʒ> в этих позициях, о противопоставлении <ʎ> – <ʒ> как твердой и мягкой парной фонемы» [16, с. 57]. Известной особенностью церковнославянского произношения является [ʎ]. Данная орфоэпическая черта указывает на совпадение в речи Петра I книжного и разговорного произношения звонкого заднеязычного согласного [ʎ]. Е. Ф. Будде назвал такое произношение церковно-интеллигентным, типичным у образованных москвичей XVIII в. [3, с. 37].

В произношении Петра I представлена диссимилияция [кк] > [хк] *х королю* [15: IV, 1020], *х королевскому* [15: IV, 1030]; [кт] > [хт] *дохтора* [15: IV, 1029]; [гк] > [хк] *мяжкими* [15: IV, 1036]; [кп] > [хп] *хъ пушкам, х Полоцку*; [кб] > [хб] *х Бреславлю* и др. [14, с. 421].

Определен характер губно-зубного [в], который позиционно изменялся в [ф]. На это указывает буква ѿ, она пишется в позиции перед глухим согласным и на конце слов: у себя *остаѿвь, вновь, поздраѿвь, отстаѿйте* [14, с. 423], хотя в случае *ауторовѿ* фонема представлена неслоговым гласным [у]. При объяснения такого произносительного факта в речи Петра I можно видеть влияние фонетики заимствованной лексики, также [у] в современных говорах перед согласным и в конце слова чередуется с [в] перед гласным [16, с. 59].

В речи Петра I известна твердость согласного [н] в положении перед [ш] *Меншикову* [15: IV, 1279], *меньше* [15: IV, 1025] и др. Отмечаем наличие [л] «европейского», среднего между [л] и [л'], перед согласными – *несколко* [15: IV, 1057], *пѣлзу* [15: IV, 1017], *Полиу* [15: IV, 1017], *с достальными* [15: IV, 1022], *изволте* [15: IV, 1053], *болшими* [15: IV, 1048], *волность* [15: IV, 1048], *лду* [15: IV, 1134], *печално* [15: IV, 1047], *въ Вилню* [15: IV, 1053], *Рейншелда* [15: IV, 1025]; [л'] перед [ј] – *весельѿ* [15: IV, 1016], в конце слова – *отсель* [15: IV, 1134], *изволь* [15: IV, 1021], *миль* [15: IV, 1025] и перед гласными переднего ряда *повелѣнию* [15: IV, 1017] и др. Е. Ф. Будде указывает на подобное произношение [л] в речи интеллигенции в XIX веке [3, с. 80].

Было обращено внимание на особенности произношения *щ*. Для М. В. Панова дублетные написания *ш* – *щ* кажутся неопределенными: *зашишение Божие, толщиною в толстую оглоблю, обрѣтаюшемся, съ помозию, прикашьшика, текушьшего, мѣшковѿ щить холиевыхъ, слышьши имѿ учениковѿ* и др. Сделан вывод о том, что «у Петра I был обычно звук [ш:], твердый, долгий <...>. Так что [ш:] царя остается загадкой» [14, с. 419]. Хотя в «Российской грамматике» М. Ломоносова в «Наставлении втором. О чтении и правописании российском» подчеркнуто: «Щ составлена из ш и ч, не больше права имеет быть в азбуке, как ѣ и џ, и в употреблении разве для того оставить, что в некоторых российских провинциях как шиш» [12, с. 422]. Подтверждает отсутствие единой нормы в произношении *щ* в речи москвичей и факты, проанализированные Л. П. Ботыревой: буква *щ* пишется

на месте *сч*, *зч*, *жч* – ни *щѣмъ*, *нещетные*, *прикащику*, *перебѣщиков*. Встречаются написания *сч* и *сщ* – *урочисще*, *есче*. «Можно предположить, что перед нами – гиперкорректные написания, свидетельствующие о том, что на месте *сч* произносился тот же звук, что и на месте *щ* – [ш]». [2, с. 8]. В речи Петра I представлены случаи книжного использования *щ*, которые отражают орфографическую традицию – *с помощію Божіею*, *с помощію Вышняго* [15: IV, 1016], и разговорное сочетание *сч*, приближенное к транскрипции реального произношения *сѣхастіе* [15: IV, 1047]. В Богородицкий подчеркнул полумягкий характер *ш* долгого, в связи с его неустойчивым отражением на письме: «В написании *сышьшимъ* 386 встречаем двойное *ш* (из *шч) с ъ между ними, что соответствует теперешнему умягченному произношению этого сочетания в московском наречии. Быть может, *ш* произносилось с некоторою мягкостью и перед следующими мягкими согласными: *отошьли*, *Шьѣды* 386, хотя встречаем также *прищѣли*, *внешьяныя* 376» [1, с. 5-6]. Итак, допускается отсутствие единой произносительной нормы в области шипящих – употребляется сочетание *шч* в соответствии с долгим шипящим.

В письмах Петра I обнаружены написания, которые обозначают твердый [ш] *мѣшигкахъ* [15: IV, 1138], *пушгкамъ* [15: IV, 1145], *вышгнего* [15: IV, 1146] и др.; написания, свидетельствующие о твердом [ц] *свинцовья* [15: IV, 1074], *цыѣрами* [15: IV, 1120], *корешпонденцын* [15: IV, 1123], *цыѣири* [15: IV, 1126], *конницы* [15: IV, 1134], *амуницыею* [15: IV, 1134], *безкормицы* [15: IV, 1134]; о твердом [ж] *пушки тежолые* [15: IV, 1120], *такожь* [15: IV, 1122], *прежь* [15: IV, 1125], *должьной* [15: IV, 1180] и под.; о мягком [ч] при написаниях с ъ и о, которые указывают на переход [e > њ]: *письмо посланничье чоль* [15: IV, 1368], *яснеосвеченому* [15: IV, 1477] и др.

Петр I передает на письме аканье в разных позициях – *салдаты* [15: IV, 1014], *салдатомъ* [15: IV, 1036], *сынъ твой Барисъ* [15: IV, 1028], *аднако* [15: IV, 1037], *даволно* [15: IV, 1044] и др. В неударном положении отмечается редуцированный [ъ]: *развязывать* – *завязавать*, *отрезывать* – *отрезавать*; *Чтобъ платье поправили*, *галстуки вымали*. Эканье охватывает все безударные слоги – *петнадцать тысячь*, *пять тысячь*, *петдесять тысячь*, *въ Ерославльѣ*, *запаметовать*, *перевезь*, *у кнезь* и др. [14, с. 420].

Особое внимание следует уделить функционированию ѣ в речи Петра I. Материал переписки царя подтверждает различие в произношении ѣ и е, отмечено несколько ошибочных написаний перед твердыми согласными *прилѣжно* (2 раза), *содѣржанно*: перед мягкими – «*время* (2 раза), *мѣсть*, *вѣчером*, *полѣзнее*, *увѣренія*» [14, с. 343]. М. В. Панов приводит доказательства дифтонгического звучания ѣ [iэ], указывая на соответствующую передачу иноязычных слов при помощи ѣ и лигатуры *ие*, *іе*: «*Біеркхольмъ*, *Бѣрколомъ*, *Бѣркхольмъ* <...> Видно, что буква ѣ и сочетание букв *іэ* замещают друг друга. Они обозначают один и тот же фонетический факт. Именно – дифтонг *іэ*» [14, с. 418]. Не вызывает сомнений, что варианты написания указывают на

колебания в орфографии Петра I, отклонение письма в сторону произношения, о близости письма к живому народному языку. При этом М. В. Панов лишь обозначил проблему качества согласного перед гласными ъ и е: «Было ли, кроме того, еще и смягчение согласных перед ъ, большее, чем перед е, – неясно» [14, с. 359].

На эту же проблему в свое время указала и К. В. Горшкова: «звуки, обозначаемые буквами ъ и е, различались в фонетической системе московского говора конца XVII в. в положении под ударением перед твердым согласным, мы не можем согласиться с известным в литературе взглядом о неполной палатализации согласных перед е. Подобное предположение может относиться лишь к книжному литературному языку, но не московскому говору, в котором к XVII веку давно уже завершился процесс перехода е в о» [7, с. 113]. И здесь же К. В. Горшкова подчеркивает, что произношение *ě* в московском говоре конца XVII-начала XVIII в. не может быть отнесено к числу северновеликорусских или южновеликорусских черт: *ě* «представляет собой черту нейтральную, диалектную особенность, равно встречающуюся как в северновеликорусских, так и южновеликорусских говорах и представляющую, видимо, в своей основе общерусское явление» [7, с. 115].

Если принять во внимание, что в речи Петра I отражено не только московское просторечие, но и книжное произношение, генетически связанное с церковнославянским произношением, то тогда снимаются вопросы о мягкости-твердости согласных и ъ, поставленные К. В. Горшковой и М. В. Пановым. Петр I был коренным москвичом, владел московским разговорным языком и прекрасно знал церковнославянский язык. Известна «принадлежность монарха к православной традиции, связанная с воспитанием и первоначальным образованием. В этом случае указывается на любовь Петра I к церковному пению – царь сам пел на клиросе и читал в церкви Апостола, на отличное знание им всей церковной службы – Петр нередко поправлял в церкви священников, когда те сбивались или путались» [13, с. 211].

Следует учесть исследование Л. Л. Васильева, который на обширном материале московских памятников XVI-XVII вв. доказал качество согласных в положении перед ъ и е [4, с. 190]. Церковнославянское произношение (смягченный согласный перед ъ и несмягченный перед е) имеет диалектную основу и распространилось с принятием христианства [17]. Поэтому, вполне вероятно, что в речи Петра I имеет место различие ъ и е, близкое к книжному (церковнославянскому) произношению.

Рассуждения о судьбах ъ и е в рамках теории дивергентно-конвергентного преобразования гласных верхнесреднего и среднего подъемов позволили доказать, что в системе вокализма, в которой известны фонемы ъ и е, отсутствует противопоставленность согласных по твердости-мягкости; функционирование ъ и е поддерживает оппозиция согласных по признаку напряженности-ненапряженности. В тех говорах, где отмечен переход [*e>b*],

развились противопоставления гласных по лабиализованности-нелабиализованности и последовательно реализуется оппозиция согласных по мягкости-твердости [10]. В переписке Петра I не используется *o* после мягких согласных, имеются единичные написания *o* после буквы *ч* – *письмо посланничье чоль* [15: IV, 1368], *яснеосвечоному* [15: IV, 1477]; в остальных случаях [*e>o*] не передано: *донесь* [15: IV, 1245], *донесеть* [15: IV, 1279], *принесь* [15: IV, 1297], *привезь* [15: IV, 1199] и др. Факты правильной передачи букв *ѣ* и *е*, при отсутствии орфографического отражения [*e>ѳ*], позволяют усматривать в произношении Петра I книжный (мягкий и полумягкий) характер согласных в положении перед *ѣ* и *е*.

Выводы. Таким образом, можно ответить на вопрос, поставленный К. В. Горшковой и М. В. Пановым. Анализ показывает, что взаимодействие северных и южных диалектных явлений в московском говоре до XVIII века было сложным. В речи Петра I встречаются элементы разных диалектных систем: фрикативный [*γ*] южновеликорусского наречия, совпадающий с церковнославянским [*γ*], и звук [*в(ф)*], соответствующий северновеликорусским говорам. В области вокализма реализуются аканье и эканье. Известно, что аканье в период правления Петра I становится нормой московского говора, хотя в XVIII оканье сохраняется как показатель церковнославянского произношения и достояние высокого стиля. Е. Ф. Будде подчеркивает умеренное (неполное) аканье московского говора [3, с. 83]. В целом, «различные разновидности устной речи Москвы, сближаясь между собой, складывались в систему московского просторечия» [7, с. 112].

В речи Петра I отражено книжное произношение *ѣ* и *е*. Б. А. Успенский определяет, что ситуация сохранения на протяжении веков культового (литургического) произношения совершенно не уникальна, обращено внимание на отражение этой черты в письменных источниках и в современном литургическом чтении старообрядцев [17]. Совокупность данных относительно правильного использования *ѣ* и *е* позволяет видеть неполную палатализацию согласных перед *е* в речи Петра I.

В целом, в произношении Петра I отразились процессы приспособления северных и южных диалектных черт с ориентацией на церковно-книжный тип речи. Отмеченная тенденция была описана М. В. Ломоносовым, который «руководствуется в своей грамматике исключительно великорусскими говорами, давая предпочтение тем звукам и формам, в которых эти говоры не отступают от церковнославянского наречия, если же и отступают, то, по крайней мере, не расходятся сами между собою» [9, с. 36].

Библиографический список

1. Богородицкий, В.А. Диалектологические заметки. IV. Московское наречие двести лет назад / В.А. Богородицкий // Уч. зап. Казанского ун-та. Т. LXIX, кн. 2, февраль. Казань, 1902. С. 1-8.

2. Ботырева, Л.П. Консонантизм московской речи первой половины XVII века (на материале «Вестей-курантов»): автореф. дис. ... канд. филол. н. / Л.П. Ботырева. М., 1990. 16 с.
3. Будде, Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII-XIX век) / Е.Ф. Будде. М.: КомКнига, 2005. 144 с.
4. Васильев, Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы ъ сравнительно с буквою е в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слог под ударением по древнему при замене в слог без ударения буквы ъ буквою е / Л.Л. Васильев // Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 15, кн. 3. СПб., 1910. С. 188-227.
5. Гайнуллина, Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского языка и литературы XVIII века: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.И. Гайнуллина. Алматы, 1995. 54 с.
6. Ганиев, Ж.В. Вариативность в русском произношении: перманентная борьба вокруг нормы (прошлое, современность): автореф. дис. ... докт. филол. н. / Ж.В. Ганиев. М., 2009. 52 с.
7. Горшкова, К.В. Из истории московского говора в конце XVII-начале XVIII века. Язык «Писем и бумаг Петра Великого» / К.В. Горшкова // Вестник Московского университета. 1947. № 10. С. 111-118.
8. Горшкова, К.В. История безударного вокализма в старомосковском просторечии / К.В. Горшкова // Вопросы истории русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 81-103.
9. Житецкий, П. К истории литературной русской речи в XVIII веке / П. Житецкий // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 1-51.
10. Измestьева, И.А. Из истории русского ударного вокализа. Звуки ъ, е, о: [монография] / И.А. Измestьева. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2005. 128 с.
11. Котков, С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка / С.И. Котков. М.: Наука, 1974. 359 с.
12. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389-578.
13. Нетужилов, К.Е. К вопросу о личной религиозности Петра I / К.Е. Нетужилов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Санкт-Петербург, 2020. Т. 21, № 4(1). С. 210-218.
14. Панов, М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. / М.В. Панов. М.: Наука, 1990. 453 с.
15. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4 (1706). СПб: Гос. тип., 1887-1918. 519 с.
16. Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
17. Успенский, Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения (из истории литургического произношения в России) / Б.А. Успенский. М.: Изд-во МГУ, 1968. 156 с.